

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-8-16

EDN: DIROEH

Святоотеческое учение в поэзии раннего Н. А. Некрасова: от религиозного сюжета к евангельскому идеалу

Владимир Иванович Мельник

Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Аннотация. Своеобразие ранних стихотворений Н. А. Некрасова в «Мечтах и звуках» зиждется на святоотеческом учении. В этом сборнике проявилось не только ученичество Некрасова как поэта, но и его «духовное ученичество», его попытки облечь в поэтическую форму свой церковный опыт, его неофитская категоричность как духовной личности. Некрасова извиняла его юность и чистота побуждений. Но как большой поэт он скоро должен был осознать, что о религиозных вопросах нельзя писать столь прямолинейно и категорично, что религиозность важна в творчестве скрытой глубиной, а не открытым, почти публицистическим выражением догматов и установлений церковной жизни. Тем не менее, ему удалось найти формы оригинального поэтического самовыражения. Некрасов в каждом стихотворении не только следует за церковными установлениями, но и обнаруживает собственные новации. С этой точки зрения проанализированы стихотворения «Смерти», «Разговор», «Сомнение» и др. Содержание этих произведений показывает, что Некрасов не только имел представление о святоотеческом православном учении, но и пытался вести «духовную брань», насколько это было возможно в совершенно юном возрасте и в его жизненных обстоятельствах. Уже через короткое время он найдет в себе силы прекратить попытки схоластического изложения «теории» христианского учения, но не потеряет теплоту своей веры, а привнесет ее оживотворяющий евангельский дух в свою социальную поэзию, наполнит ее духом любви, милосердия и святых порывов. Поставлен вопрос о связи сборника «Мечты и звуки» с поздним творчеством Некрасова.

Ключевые слова: Некрасов; религиозность; учение Святых Отцов Церкви; Боратынский; скептицизм; полемика

Для цитирования: Мельник В. И. Святоотеческое учение в поэзии раннего Н. А. Некрасова: от религиозного сюжета к евангельскому идеалу // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 8–16. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-8-16>. <https://elibrary.ru/DIROEH>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Patristic teaching in N. A. Nekrasov's early poetry: from a religious subject to the evangelic ideal

Vladimir I. Melnik

Doctor of philological sciences, professor, department of linguistics and literary studies, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya st., 33, bld. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Abstract. The originality of N. A. Nekrasov's early poems in «Dreams and Sounds» is based on patristic teaching. This collection revealed not only Nekrasov's discipleship as a poet, but also his «spiritual discipleship», his attempts to put his church experience into poetic form, his neophyte categorical nature as a spiritual person. Nekrasov was excused by his youth and purity of motives. But being a great poet, he soon realized that one should not write so bluntly and categorically about religious issues, that religiosity is important in art due to its hidden depth, rather than its open, almost journalistic expression of the dogmas and tenets of church life. Nevertheless, he managed to find forms of original poetic expression. In each of his poems, Nekrasov not only follows church regulations, but also shows his own innovations. The poems «Death», «Conversation», «Doubt» and others are analyzed from this point of view. The content of these works shows that Nekrasov not only had an idea of the patristic Orthodox teaching, but also tried to wage «spiritual struggle», as far as it was possible at a very young age and in his life circumstances. After a short time he would find the strength to stop trying to present a scholastic «theory» of Christian doctrine, but would not lose the warmth of his faith, but bring its life-giving gospel spirit into his social poetry, filling it with the spirit of love, mercy, and holy impulses. The author raises the question of the links between the collection «Dreams and Sounds» and Nekrasov's later work.

Key words: Nekrasov; religiosity; teaching of the Holy Fathers of the Church; Boratynsky; skepticism; polemic

For citation: Melnik V. I. Patristic teaching in N. A. Nekrasov's early poetry: from a religious subject to the evangelic ideal. *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(2):8–16. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-8-16>. <https://elibrary.ru/DIROEN>

Постановка проблемы

Настоящая статья является продолжением развития темы религиозности раннего Н. А. Некрасова [Мельник, 2021]. Исследователи долгое время практически не обращали внимания на первый поэтический сборник Н. А. Некрасова «Мечты и звуки». Очевидно, что и сам поэт считал его неудачным: в 1864 г. он запретил перепечатывать сборник после своей кончины [Прозоров, 2013, с. 171]. По-своему замечательная работа В. Е. Евгеньева-Максимова о творчестве раннего Некрасова [Максимов, 1908], в которой он довольно подробно останавливается на религиозной по сути лирике поэта (подавляющую часть стихотворений сборника составляют произведения духовного содержания), осталась также недооцененной. Однако к его книге стоило бы вернуться, чтобы учесть его положительный опыт. Конечно, Евгеньев-Максимов не мог дать достаточно точный анализ религиозных стихотворений Некрасова, ибо не владел познаниями в области святоотеческого учения, но многое подметил верно, и поставил важные вопросы. В главном же его вывод неверен, поскольку он считает, что «Мечты и звуки» отражают плавный путь Некрасова от веры к сомнению, откуда, надо думать, уже рукой подать до революционного бунтарства будущего «народного заступника». Но дело заключалось совершенно в другом: в эволюции Некрасова от прямолинейного стихотворного формулирования религиозных истин к поэтическому осмыслению евангельского идеала и к глубоко художественному выражению религиозного мировосприятия без обращения к «религиозному сюжету».

Именно на этом святоотеческом учении зиждется все своеобразие ранних стихотворений юного поэта в «Мечтах и звуках». В этом сборнике проявилось не только ученичество Некрасова как поэта, но и его «духовное ученичество», его попытки облечь в поэтическую форму свой церковный опыт, его неопитская категоричность как духовной личности. Некрасова извиняла его юность и чистота побуждений. Но как большой поэт он скоро должен был осознать, что о религиозных вопросах нельзя писать столь прямолинейно и категорично, что религиозность важна в творчестве скрытой глубиной, а не открытым, почти публицистическим выражением догматов и установлений церковной жизни, что духовность должна скорее пронизывать поэзию, как у А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, а не выражаться в открытых формулировках, как у многих непосредственных предшественников первого сборника (М. Вознесенский, Ф. Н. Менцов, А. Тимофеев, В. Красов и др.). В свое время И. А. Гончаров, целиком посвятивший свое творчество главным духовным вопросам, касающимся проблемы «Бог и человек», категорически отказался от прямолинейного выражения своих религиозных устремлений. В письме от 3 ноября 1886 г. к великому князю К. К. Романову, который планировал писать драму о Христе («Царь Иудейский»), романист написал: «Сам я, лично, побоялся бы религиозного сюжета...». Некрасов в семнадцатилетнем возрасте не понимал, что «религиозный сюжет» не так важен, как залегающий в глубине произведения религиозный идеал, да и сам этот идеал еще должен был выработаться, установиться в берегах некрасовской поэзии. К счастью, осознание ошибочности выбранного пу-

ти пришло очень быстро, в чем и выразилась непосредственная мощная сила его таланта. В дальнейшем он, не отступая от христианского идеала как доминирующего и определяющего все его мировосприятие, пойдет по пути «евангелизации» своей поэзии, обращенной уже к изображению народной жизни, в ее самых разнообразных красках, но неизменно проникнутой токами горячей веры и религиозного идеала.

Что касается собственно сборника «Мечты и звуки», то здесь стихотворения, рисующие картины окружающей жизни, еще отделены от стихотворений религиозного содержания как бы глухой стеной: это две еще не соединившиеся стихии некрасовской поэзии. Но доминируют стихотворения духовной направленности: очевидно, что свою оригинальность как поэта Некрасов уже сейчас (и, как выяснилось, навсегда) связывал с горячим выражением религиозного идеала: отсюда его поход к В. А. Жуковскому (как наиболее яркому и открытому представителю духовного направления в русской поэзии), отсюда же многообразный, пока еще не проанализированный исследователями внутренний спор автора сборника со многими представителями современной поэзии (например, с Е. А. Боратынским), тематические и иные переключки с В. Г. Бенедиктовым и даже с третьестепенными авторами вроде М. Вознесенского, П. Ершова и др.

Исследовательская часть

Несмотря на то, что в сборнике «Мечты и звуки» отразилось духовное ученичество Некрасова, юному поэту удалось найти формы оригинального поэтического самовыражения. На фоне современной поэзии книга была заметна. Профессор Петербургского университета П. А. Плетнев в рецензии на сборник написал: «Здесь не только мечты и звуки <...> но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая в себе почти одни лирические стихотворения, исполнена разнообразия. В каждой пьесе чувствуется создание мыслящего ума или воображения».

В самом деле, Некрасов в каждом стихотворении не только следует за церковными установлениями, но и обнаруживает собственные новации. Например, в стихотворении «Смерти» он рассуждает о благоприятном моменте кончины для человека:

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела....

И напротив, поэт призывает смерть прийти в тот час, когда его мысль возносится в молитве или в творческом акте «в обитель к Горнему Царю». Источником для Некрасова послужила известная аграфы, приписывающая Христу слова, известные каждому воцерковленному человеку: «В чем застану, в том и сужу». Возможно, непосредственным поводом обращения к этой аграфы стало то, что в 1837 г. вышло отдельное издание «Гамлета» В. Шекспира (в переводе Н. А. Полевого, с которым Некрасов, несомненно, был знаком). Шекспир также обращается к указанной аграфы в монологе Гамлета, раздумывающего, убить ли ему Клавдия, стоящего на молитве [Шекспир, с. 129]. Гамлет принимает решение убить Клавдия в другой раз, когда он будет не молиться, а пребывать в «нечестивом пиршестве греха» [Мельник, 2022].

В стихотворении «Разговор» Некрасов развивает классическую святоотеческую тему о постоянной борьбе, которую ведут между собою душа и тело. Мысль переложить святоотеческие представления в стихи подало, очевидно, стихотворение М. Воскресенского «Разговор души с телом» (1834), но Некрасов пишет произведение значительно большего объема, так как привносит в спор души и тела более разнообразную аргументацию. Стихотворение показывает, что Некрасов знаком со святоотеческим учением о страстях и борьбе с ними. Прения души тела в стихотворении воспроизводят ситуацию, описанную св. Ефремом Сирином: «Любовью к преходящей жизни связаны между собой тело и душа. Когда приближается день кончины и разлучения их друг с другом, плачут они друг о друге и просят щедрот и помилования» [Батюшков, с. 209].

Мотивы духовной брани, борьбы со страстями, необходимости для человека страданий Некрасов развивает и в автобиографическом, на наш взгляд, стихотворении «Изгнанник».

Наш мир – он место дикой брани,
Где каждый бьется сам с собой:
Кто – веры сын – с крестом во длани,
Кто в сердце с адскою мечтой.

В стихотворении Некрасов отталкивается от 5-го стиха 125 псалма: «Сеющие слезами радостию пожнут» (путь человека в Рай ценой земных страданий и слез). Пережив драму («...рука судьбы жестоко // Меня к земному пригнала»), Юный поэт слышит голос «посланника Провиденья», утешающего его и внушающего, что страдания благотворны, ибо являются средством

«благами земными» «купить на небе жизнь». Теперь страдания свои поэт воспринимает как средство духовного спасения. О страданиях как о средстве спасения много написано Святыми Отцами. Так, блаж. Августин говорил: «Христианам положено страдать более, чем прочим людям; праведникам необходимо страдать еще более; а святым переносить великие страдания. И чем ближе человек к Богу, тем большее количество крестов ему посылается» [Пестов, т. 1, с. 398]. Мысль восходит к Евангелию от Иоанна, согласно которому Христос говорил: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33). Учение о земных страданиях широко вошло в церковный обиход и проповедническую практику, неудивительно, что юный Некрасов хорошо усвоил мысль о благотворности страданий и будущем воздаянии.

Тема борьбы со страстями поднята Некрасовым и в стихотворении «Час молитвы», направленном против скептицизма Боратынского. В комментариях к стихотворению «Час молитвы» в первом томе академического собрания сочинений Некрасова сказано, что оно является подражанием стихотворению Боратынского «Песня» [Некрасов, т. 1, с. 661]. На самом деле мы имеем дело не с подражанием, а с полемикой. Оба стихотворения начинаются строчкой «Когда взойдет денница золотая...» и написаны одним размером. В обоих стихотворениях поэты касаются темы «испытания чувств», отношения к позитивной, радостной стороне жизни. Однако художественные решения темы у Боратынского и Некрасова прямо противоположны. «Песня» Боратынского строится на мысли о том, что среди радости и пира жизни герой страдает, ибо он уже познал обман и разочарование. Для Боратынского утро («когда взойдет денница золотая») – это время ощущения разлада с цветущим миром:

Когда взойдет денница золотая...
Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.

Некрасов спорит с Боратынским, как бы подчеркивая, что в его мире нет Бога, что и является причиной его разлада с миром. Для Некрасова утро – время духовной бодрости и соборной молитвы:

Когда взойдет денница золотая
На небосвод
И, красотой торжественно сияя,

Мрак разнесет,
Когда звонят, к молитве созывая,
И в храм идут,
И в нем стоят, моление совершая,
И гимн поют, –
Тогда и я, с душою умиленной,
Меж всех стою
И Богу гимн, коленопреклоненный,
Тогда пою.

Если лирический герой Боратынского познает «отраву» обманчивых страстей, то Некрасов акцентирует тему единства мира человека с Богом и природой. Тема утренней молитвы сменяется темой молитвы вечерней:

Когда Царь дня, в волнах купаясь чистых,
Течет к концу
И запоем хор птичек голосистых
Хвалу Творцу, –
И я пою, и я ему молюся,
И в час мольбы
Спокоен я душой и не боюся
Угроз судьбы.

Финал стихотворения Некрасова весьма замечателен по мысли. Хорошо ориентируясь в основных положениях нравственного учения Святых Отцов Церкви, вошедшего в обиходное церковное сознание, Некрасов обращается к весьма важному для Боратынского и всех романтиков вопросу о «страстях» – и дает его чисто христианскую трактовку, как бы давая Боратынскому, на первый взгляд, наивный «духовный совет», каким образом избежать разлада с собой и миром:

Слова мои
Тогда солью я с голосом природы
И, чужд земли,
Пошлю к Творцу усердную молитву,
И – внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
Моих страстей...

Более подробно остановимся на одном из типичных для сборника Мечты и звуки» стихотворении «Сомнение». Его пафос состоит в отрицании и опасении сомнения, способного разрушить в человеке теплоту веры:

И скоро грешные мышления тайком
К тебе начнут глубоко прививаться
И созревать на сердце молодом.
И вот плоды несчастных размышлений,

С сомнением томительных бесед:
Ты, раб его неправедных внушений,
Им омрачишь отрадной веры свет.

Как и во многих других стихотворениях сборника Некрасов в «Сомнении» выказывает знание святоотеческого учения о «приращении греховного помысла», что подтверждается не только общей дидактической мыслью, лежащей в основе произведения, но и подробностями ее разработки: всем строем речи, последовательностью развиваемых идей. Некрасов в строгой последовательности перекладывает в стихотворную форму известное учение о проникновении греха в душу человека: помыслы сначала робко («тайком») «прививаются» («приражаются», «прилагаются»), затем, если человек принял помысл («сочетание» с помыслом), «созревает в сердце» и, если человек с ним соглашается («сосложение» с помыслом), то грех овладевает всем существом человека и вытесняет из души благодать веры:

Тлетворный яд губительного чувства
Другие все из сердца изженет.

После этого грех превращает человека в своего раба («ты раб его неправедных внушений»), и он начинает колебаться в вере («омрачишь отрадной веры свет»). Именно в этом порядке подробно этот духовный процесс описан, например, свт. Феофаном Затворником [Феофан Затворник, 1992, с. 261].

Знал Некрасов и совет Святых Отцов решительно отвергать, бороться с помыслом с первым же его «прилогом», когда душа еще может победить помысл самостоятельно. Искушение помыслом подробно описано у многих Святых Отцов. Например, преп. Макарий Оптинский говорит: «Приходит прилог какого помысла скверного; в твоей воле состоит принять оный или отвергнуть; когда сочетаешься с ним и сложишься, то уже пленилась и стала побеждена, а когда отвергла прилог, то победила» [Душеполезные поучения, 2000, т. 2, с. 66]. Поэтому Некрасов пишет:

Но берегись! приюта не давай
В душе своей мятежному сомненью,
Беги его и сердца не вверяй
Его всегда недоброму внушенью...
С ним страшно жить, беседовать грешно,
И если раз его к груди пригреешь —
С тобой навек останется оно.

Содержание стихотворений «Сомнение», «Смерти», «Разговор» и др. показывает, что Некрасов не только имел представление о святоотеческом православном учении, но и пытался вести «духовную брань», насколько это было возможно в совершенно юном возрасте и в его жизненных обстоятельствах.

Стихотворение «Сомнение» обращено не только к самому себе, но и, возможно, к некоему адресату. В этом смысле следует обратить внимание, что оно написано в форме духовного совета. Несмотря на юный возраст автора, в «Мечтах и звуках» встречаются и иные религиозные стихотворения, в которых он выступает в роли духовного если не наставника, то советчика. Возможно, здесь снова обращение к Боратынскому. В частности, в поле поэтической рефлексии Некрасова попадает стихотворение Боратынского «Когда исчезнет омраченье...» (1834). На это указывают лексические переключки. Например, Боратынский пишет:

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
[Боратынский, с. 96].

Некрасов, как и в стихотворении «Час молитвы», словно бы обращается к Боратынскому с позиции христианина, которому ясен простой и надежный выход из душевной смуты, охватившей утонченно рефлектирующего Боратынского:

Везде увидишь ты расставленные сети,
Тебя смутят тревожные мечты...

Или Боратынский вопрошает:
Когда...
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму...
[Боратынский, с. 96].

Некрасов как бы отвечает: сомненью «осквернит»... «размах мечты в полете вольных крыл».

Боратынский пессимистически кончает стихотворение:

На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.
[Боратынский, с. 97].

Некрасов отталкивается от этого образа: «И окует грудь холодом могил...» (ибо «гробовая насыпь» это и есть могила).

Обычно в «Мечтах и звуках» Некрасов не выходит за рамки святоотеческих рассуждений, следуя каноническому порядку размышлений. Однако в «Сомнении» он идет иным путем, ибо решается показать духовный вред сомнения в контексте тех поэтических мотивов, которые составляют главное содержание поэзии Боратынского. Вообще тема «сомнения» в святоотеческой литературе не слишком богато представлена, поскольку эта литература обращена, прежде всего, к монашествующим, для которых проблема сомнения не столь актуальна, как для мирян. Но ее характерно упоминает, например, преп. Ефрем Сирий: «Сомнение сердца приводит в душу боязнь» [Ефрем Сирий, с. 11]. Именно о боязни говорит и Некрасов: «И даже там, где смело ходят дети, // Остановясь, задумаешься ты». Слово «смело» имеет своей противоположностью именно «боязнь». Некрасов расширяет примеры и обращается к характерному для Боратынского мотиву несчастной любви:

Полюбишь ты – сомненья призрак бледный
Как адский дух, предстанет пред тобой,
Внушит совет и пагубный и вредный
И грудь зальет ревнивою тоской.

Здесь Некрасов адресуется к таким стихотворениям Боратынского, как «Любовь» («Огонь любви, огонь живительный, // Все говорят, но что мы зрим? // Опустошает, разрушительный, // Он душу, объятую им!»), «Приманкой ласковых речей...» и др.

Как и в стихотворении «Час молитвы», автор «Сомнения» касается мотивов «Песни» Боратынского, который изображает роскошь и красоту Божьего мира но ощущает «отраву» в своей душе: «Будь новый день любимцу счастья в сладость! // Душе моей // Противен он! что прежде было в радость, // То в муку ей...». Некрасов касается того же ряда образов: «Велик, хорош, изящен Божий мир, // Обилен всем и полон совершенства... Все осквернит нечистое сомнение».

Тема дружбы у Боратынского – одна из основных, и, надо сказать, что в дружбе поэт не был разочарован. Но Некрасов, затрагивая эту столь важную для Боратынского тему, показывает, что сомнение может осквернить и это прекрасное чувство:

Участье дружества, последняя отрада —
И от нее сомненья отвлечет;
Оно тебе врагом покажет брата

И друга доброго злодеем назовет.

Здесь следует обратить внимание, что когда автор «Сомнения» касается излюбленных тем Боратынского – любовь и дружба, – он отступает от строго духовного понимания сомнения и расширяет его смысл до общежитейского.

К 1839 г., когда Некрасов решил издать свои «Мечты и звуки», Боратынский был в расцвете творческих сил, но скепсис, свойственный его поэзии, со временем еще более усиливался. Очевидно, что строки о дружбе – это предупреждение. Вообще все стихотворение написано в форме некоего императива – и, по сути, является духовным предупреждением и советом юного Некрасова главному представителю скептицизма в русской поэзии. Сам же автор «Сомнения» уже выбрал для себя иной путь, который в «Мечтах и звуках» может показаться наивным, но от которого Некрасов уже не отойдет в своем зрелом творчестве. Скепсису, рефлексии и сомнению он противопоставил уже в своем первом сборнике жизнеутверждающее упование на Бога. Самые показательные в этом плане стихотворения – «Сомнение», «Злой дух», «Изгнанник». Признаваясь, что и его посещает «злой дух» сомнения (в стихотворении очевидны переключки с пушкинским «Демоном»), Некрасов каждый раз выступает в качестве проповедника, предупреждающего о возможной утрате веры:

И, ребенок простодушный,
Ты погиб, когда его
Силой духа своего
Не отвергнешь!..

Отвергнуть сомнение «силой духа» к этому призывают Отцы Церкви, о чем Некрасову, очевидно, известно. Вступая во внутренний спор с Боратынским, он рефлекторно вглядывается в тончайшие нюансы различных разновидностей «сомнения» противопоставляет силу веры и духа, а в дальнейшем своем творчестве, когда он уже отойдет от прямолинейного выражения истин православной веры, противопоставит бесплодной, на его взгляд, рефлексии – активное действие в христианском духе: защиту слабых и униженных. Обе темы – религии и защиты угнетенных – у него часто неразрывно связаны, что с невероятной поэтической силой выражено в поэме «Тишина».

При такой духовной настроенности рефлекторная поэзия дворянских поэтов, в особенности Боратынского, проникнутого, по выражению В.

Э. Вацуро, «религиозным скептицизмом» [Вацуро, с. 388] должна была вызывать в Некрасове протест и ноты «задирающей», нарочито выямленной дидактики.

Выводы

Сборник «Мечты и звуки» показывает, что Некрасов в юные годы сочетал детскость веры с напряженными попытками «духовной брани», представление о которой черпал в писаниях Святых Отцов Церкви. Собрание текстов поучений Святых Отцов впервые было издано в России еще в 1793 году [Добротолубие]. Многие он мог почерпнуть из книг свт. Тихона Задонского, которые также были достаточно хорошо известны в 1830–1840 гг., и к которым прибегал, например, Ф. М. Достоевский [Карпачева, 2001]. Разумеется, его попытки были весьма далеки от совершенства, страсти захлестывали его молодую душу, но он упорно, хотя в основном «теоретически», пытался постигнуть догматы православия. В Петербурге, общаясь с кругом мыслящих людей и много читая, Некрасов стремительно менялся и мужал духовно. Уже через короткое время он найдет в себе силы прекратить попытки схоластического изложения «теории» христианского учения, но не потеряет своей веры, а принесет ее оживотворяющий евангельский дух в свою социальную поэзию, наполнит ее духом любви, милосердия и святых порывов.

О связи поэзии раннего Некрасова с позднейшим его творчеством задумывались некоторые исследователи. В самом конце XIX в. С. А. Венгеров выразил мнение, что «Мечты и звуки» «никакой стадии в развитии таланта Некрасова не представляют. Некрасов – автор книжки „Мечты и звуки” и Некрасов позднейший – это два полюса, которых нет никакой возможности слить в одном творческом образе» [Венгеров, 1897, с. 858]. Позже Евгеньев-Максимов попытался найти компромиссное решение, позволяющее соединить религиозного раннего Некрасова с Некрасовым позднего периода, с его социальной и народностью: «Знакомая с романтизмом юного Некрасова, мы выделили, в качестве мотивов наиболее характерных для его стихотворений, веру в загробную жизнь и глубокую религиозность. Что же такое, в сущности, эта вера в загробную жизнь молодого поэта и во что она могла вылиться в творчестве печальника народного горя? Здесь, полагаем, не может быть двух мнений. Эта вера – ничто иное, как чистейший идеализм... Поэтому-то между Некрасовым

конца 30 гг., восклицавшим „ты осужден ценой страданья купить в стране очарованья рай, недоступный на земле” и Некрасовым 60 гг., с его страстным желанием „ведренного дня” для родной страны, – принципиального различия нет. И тот и другой одушевлены одним и тем же идеалистическим порывом» [Максимов, 1908, с. 105–106]. Вывод, на наш взгляд, ложный. В наших работах [Мельник, 2001; Мельник, 2008 и др.] уже показано, что идеализм позднего Некрасова зиждется именно на религиозной основе. Одной из важных задач современного некрасоведения как раз и является более детальная проработка этого вопроса.

Библиографический список

1. Баратынский Е. А. Лирика. Москва : «Художественная литература», 1964.
2. Батюшков Ф. Д. Спор души с телом в памятниках Средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования. Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1891.
3. Вацуро В. Э. Е. А. Баратынский // История русской литературы: В 4 т. / отв. ред. Н. И. Пруцков. Ленинград : Наука, 1981. Т. 2. С. 388.
4. Венгеров С. А. Некрасов // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. ХХА (40). Санкт-Петербург, 1897.
5. Добротолубие, или словеса и главизны священнаго трезвения, собранныя [свт. Макарием Коринфским] от Писаний Святых и Богодухновенных Отец, в немже нравственным по деянию, и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. Преведено с Еллино-греческаго языка преподобным Паисием Величковским. Санкт-Петербург, 1793.
6. Душеполезные поучения преподобных Оптинских старцев. Издание Введенской Оптиной пустыни, 2000. В 2х томах. Т. 2. С. 66.
7. [Ефрем Сирин] Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3е изд. Ч. 2. Москва, 1881.
8. Карпачева Т. С. Отражение образа свт. Тихона Задонского и его сочинений в творчестве и мировоззрении Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 9. 2011. С. 216–231.
9. Максимов Владислав. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Санкт-Петербург : Типолит. «Энергия», 1908. 220 с.
10. Мельник В. И. Типология житийных сюжетов у Н. А. Некрасова (к постановке вопроса) // Некрасовский сборник. Т. XIII. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 59–65.
11. Мельник В. И. Христианская святость и христианские подвижники в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины» // Некрасовский сборник. Т. XIV. Санкт-Петербург : Наука, 2008. С. 68–73.

12. Мельник В. И. Становление религиозности Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3. С. 8–16.

13. Мельник В. И. Аграф «В чем застану, в том и сужу» у В. Шекспира и раннего Н. А. Некрасова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 134–148.

14. Менцов Ф. Н. [Изящная словесность] // Журнал министерства народного просвещения. 1840. № 3. Отд. VI. С. 118–124.

15. Менцов Н. Ф. Обзорение русских газет и журналов за первые три месяца 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 7. Отд. VI. С. 79–80.

16. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Ленинград : Наука, 1981–2000.

17. Преп. Никодим Святогорец. Невидимая брань. Издательство Почаевской Лавры, 2013. 216 с.

18. Пестов Н. Е. Современная практика православного благочестия. В 2-х т. Т. 1. Санкт-Петербург, Сатис, 2002. С. 398.

19. Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Санкт-Петербург, 1885. Т. II. С. 289.

20. Прозоров Ю. М. Классика. Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. Санкт-Петербург : Издательство «Пушкинский Дом», 2013. С. 171.

21. Феофан Затворник. О развитии греха и о средствах борьбы с ним // И дух прав обнови во утробе моей. Сб. святоотеческих изречений и поучений. Ч. II. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1992. С. 260–267.

22. [Шекспир В.] Гамлет принц датский. Драматическое представление. Сочинения Виллиама Шекспира / пер. с англ. Николая Полевого. Москва : Тип. Августа Семена, при Имп. Мед.-хирург. акад., 1837.

Reference list

1. Baratynskij E. A. *Lirika = Poetry*. Moskva : «Hudozhestvennaja literatura», 1964.

2. Batjushkov F. D. *Spor dushi s telom v pamjatnikah Srednevekovoj literatury. Opyt istoriko-sravnitel'nogo issledovanija = The soul and body dispute in the monuments of Medieval literature. The experience of historical and comparative research*. Sankt-Peterburg : Tip. V. S. Balasheva, 1891.

3. Vacuro V. Je. E. A. Baratynskij = E. A. Baratynsky // *Istorija russkoj literatury: V 4 t. / otv. red. N. I. Pruckov*. Leningrad : Nauka, 1981. T. 2. S. 388.

4. Vengerov S. A. *Nekrasov = Nekrasov // Jenciklopedicheskij slovar'*. Izd. F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. T. XXA (40). Sankt-Peterburg, 1897.

5. *Dobrotoljubie, ili slovesa i glavizny svjashennago trezvenija, sobrannaja [svt. Makariem Korinfskim] ot Pisaniij Svjatyh i Bogoduhnovennyh Otec, v nemzhe npravstvenny po dejaniju, i umozreniju ljubomudriem um ochishhaetsja, prosveshhaetsja i sovershen byvaet*. Prevedeno s Ellino-grecheskago jazyka prepodobnym Paisiem Velichkovskim. Sankt-Peterburg, 1793.

6. *Dushepoleznye pouchenija prepodobnyh Optinskih starcev. Izdanie Vvedenskoj Optinoj pustyni = Spiritually beneficial teachings of the venerable Optina elders*. Published by the Vvedenskaya Optina Monastery, 2000. V 2h tomah. T. 2. S. 66.

7. [Efrem Sirin] *Tvorenija izhe vo svjatyh otca nashego Efrema Sirina = The writings of the holy father Ephrem the Syrian*. 3e izd. Ch. 2. M., 1881.

8. Karpacheva T. S. *Otrazhenie obraza svt. Tihona Zadonskogo i ego sochinenij v tvorcestve i mirovozzrenii F. M. Dostoevskogo = Reflecting the image of St. Tikhon of Zadonsk and his writings in the work and worldview of F.M. Dostoyevsky // Problemy istoricheskoy pojetiki*. Vyp. 9. 2011. S. 216–231.

9. Maksimov Vladislav. *Literaturnye debjuty N. A. Nekrasova = N.A. Nekrasov's literary debuts*. Sankt-Peterburg : Tipolit. «Jenergija», 1908. 220 s.

10. Mel'nik V. I. *Tipologija zhitijnyh sjuzhetov u N. A. Nekrasova (k postanovke voprosa) = The typology of hagiographic plots in N. A. Nekrasov (to raising the issue) // Nekrasovskij sbornik*. T. VIII. Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. S. 59–65.

11. Mel'nik V. I. *Hristianskaja svjatost' i hristianskie podvizhniki v pojeme N. A. Nekrasova «Russkie zhenshiny» = Christian holiness and Christian ascetics in N. A. Nekrasov's poem «Russian Women» // Nekrasovskij sbornik*. T. XIV. Sankt-Peterburg : Nauka, 2008. S. 68–73.

12. Mel'nik V. I. *Stanovlenie religioznosti N. A. Nekrasova = The formation of N. A. Nekrasov's religiosity // Verhnevolskij filologicheskij vestnik*. 2021. № 3. S. 8–16.

13. Mel'nik V. I. *Agrafa «V chem zastanu, v tom i suzhu» u V. Shekspira i rannego N. A. Nekrasova = Agrapha «In what I catch, in that I judge» in W. Shakespeare and early N. A. Nekrasov // Problemy istoricheskoy pojetiki*. 2022. T. 20. № 1. S. 134–148.

14. Mencov F. N. [Izjashhnaja slovesnost'] = [Fine Literature] // *Zhurnal ministerstva narodnogo prosvshhenija*. 1840. № 3. Otd. VI. S. 118–124.

15. Mencov N. F. *Obozrenie russkih gazet i zhurnalov za pervye tri mesjaca 1839 goda = A review of Russian newspapers and magazines over the first three months of 1839 // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvshhenija*. 1839. № 7. Otd. VI. S. 79–80.

16. *Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 15 t. = Complete works and letters. In 15 vols*. Leningrad : Nauka, 1981–2000.

17. Преп. Никодим Святогорец. *Невидимая брань = Invisible swearing*. Izdatel'stvo Pochaevskoj Lavry, 2013. 216 s.

18. Pestov N. E. *Sovremennaja praktika pravoslavnogo blagochestija = The contemporary practice of Orthodox piety*. V 2-h t. T. 1. Sankt-Peterburg, Satis, 2002. S. 398.

19. Pletnev P. A. *Sochinenija i perepiska = Essays and correspondence*. Sankt-Peterburg, 1885. T. II. S. 289.

20. Prozorov Ju. M. *Klassika. Issledovanija i ocherki po istorii russkoj literatury i filologicheskoy nauki = Clas-*

sics. Studies and essays on the history of Russian literature and philological science. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Pushkinskij Dom», 2013. S. 171.

21. Feofan Zatvornik. O razvitii greha i o sredstvah bor'by s nim = On the evolution of sin and the means to fight it // I duh prav obnovi vo utrobe moej. Sb. svjatootecheskih izrechenij i pouchenij. Ch. II. Svjato-Troickij Novo-Golutvin monastyr', 1992. S. 260–267.

22. [Shekspir V.] Gamlet princ datskij. Dramaticheskoe predstavlenie. Sochinenija Villiama Shekspira = Hamlet the Prince of Denmark. A dramatic performance. Works of William Shakespeare / per. s angl. Nikolaja Polevogo. Moskva : Tip. Avgusta Semena, pri Imp. Med.-hirurg. akad., 1837.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 13.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication on 28.04.2022.